

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234>

EDN: RNNZEI

Научная статья / Research Article

Правовая сущность информации в условиях использования цифровых технологий

В.П. Иванский

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 ivansky_valera@mail.ru

Аннотация. Повсеместное использование цифровых технологий расширило смысловые границы термина «информация» настолько, что послужило причиной исчезновения конститутивных характеристик понимания информации, без наличия которых она теряет свою сущность. По этой причине в правовых актах и юриспруденции констатируется употребление категорий «сведения», «данные» и «сообщение» в качестве синонимичных по содержанию термину «информация». Целью научной статьи является установление природы информации, исследование основных отличительных характеристик указанных выше понятий, а также анализ структуры информации и данных. Для реализации указанной цели применялся общефилософский, общенаучный и частно-научный методологический инструментарий. В результате проведенного анализа дефиниций информации было выявлено, что правовая информация, как воспринимаемый и наполняемый правовым смыслом образ, конституируется сознанием субъекта права. Правовой образ, запечатленный на материальном носителе посредством набора физических символов, называют правовыми сведениями. Сведения, которые перестали быть доступными для восприятия и осмысления в результате их кодирования, называют данными. Сообщение – это кодированный эквивалент правовых сведений, передаваемых с помощью средств вычислительной техники, где их носителем выступает сигнал. Завершается статья выводом о необходимости, во-первых, различать между собой природу информации и природу знака (символа). Собственно информация конституируется правосознанием человека как ментальный акт (образ), который находит свое воплощение посредством набора физических символов на материальном носителе. При этом необходимо подчеркнуть, что физический символ выступает смысловым эквивалентом ментального символа, формируемого намерением субъекта права. Во-вторых, следует различать дихотомическую структуру понятия информации, включающую материальный носитель и сведения, доступные для понимания их смысла непосредственно субъектами права, от трихотомической структуры

© Иванский В.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

понятия данных, представляющей единство трех составляющих: закодированных сведений, физического носителя и средств компьютерной системы.

Ключевые слова: правовая информация, данные, сообщение, сведения, носитель, цифровые технологии, правовое сознание, документ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 18 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Иванский В.П. Правовая сущность информации в условиях использования цифровых технологий // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 221–234. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234>

The legal nature of information in the context of digital technologies

Valeriy P. Ivanskiy

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ivansky_valera@mail.ru

Abstract. The widespread use of digital technologies has significantly expanded the semantic boundaries of the term “information”, leading to the erosion of essential constitutive characteristics. As a result, legal acts and jurisprudence increasingly treat the terms “knowledge”, “data” and “message” as synonymous with “information”. The purpose of this scientific article is to establish the nature of information, examine the main distinguishing characteristics of these concepts, and analyze the structure of information and data. To achieve this goal, a combination of general philosophical, general scientific, and specific scientific methodological tools was employed. The analysis of definitions reveals that legal information, as an image perceived and imbued with legal meaning, is constituted by the consciousness of the subject of law. This legal image, imprinted on a tangible medium through a set of physical symbols, is referred to as legal information. Conversely, knowledge that has been encoded and is no longer accessible for perception and comprehension is termed data. A message is defined as a coded equivalent of legal knowledge transmitted using computer technology, with its carrier being a signal. The article concludes that it is essential to distinguish between the nature of information and the nature of signs (symbols). Information itself is constituted by human legal consciousness as a mental act (image) that finds expression through a set of physical symbols on a material medium. It should be noted that the physical symbol serves as a semantic equivalent of the mental symbol formed by the intention of the subject of law. Furthermore, it is important to differentiate between the dichotomous structure of the concept of information, including a material medium and information available for understanding its meaning by subjects of law, and the trichotomous structure of data, which encompasses three components: encoded knowledge, physical media, and computer system tools.

Key words: legal information, data, message, legal knowledge, media, digital technologies, legal consciousness, document

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 18th June 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Ivanskiy, V.P. (2025) The legal nature of information in the context of digital technologies. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 221–234. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234>

Введение

Обоснование темы статьи определяется ее актуальностью и формулированием научно-правовых проблем. В качестве общего узлового момента проблемного поля выступает наклеивание цифрового ярлыка на все информационные процессы без надлежащего научного осмысления, что создает условия для возникновения юридических коллизий не только на законодательном уровне, но и в правоприменительной практике. Причем тенденция тотальной терминологической замены объектов информатизации на объекты цифровизации свидетельствует о том, что происходит навешивание цифрового ярлыка, заимствованного из сферы IT-технологий, понятиям других отраслей знаний, в том числе и юриспруденции. По этой причине происходит своего рода терминологическая интерференция как результат смешения технологического языка с юридическим языком, который приводит к понятийной запутанности из-за противоречивого понимания юристами технологических процессов информатизации и цифровизации.

Поэтому до сих пор ни в юридической доктрине, ни в законодательстве, ни в международном праве не сложилось единого представления, что такое информация. В тексте Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту – Закон № 149-ФЗ) не дается описание отличительных признаков информации, но законодатель попытался ее охарактеризовать посредством других, по его мнению, однородных названий, используемых в правовых актах: сведения, данные и сообщение. Между тем найти в правовых актах обозначенные выше равнозначные термину «информация» названия не представляется возможным. На наш взгляд, это объясняется тем, что в разных отраслях научных знаний сложились концепции информации, которые по своему содержанию различны, например: математическая, семантическая, витальная, синергетическая и многие другие теории информации. В этой связи усматриваются две тенденции: с одной стороны, затруднительно подобрать законодателю универсальное понятие информации, а с другой стороны, в юридической науке продолжают закрепляться новые термины (например, «цифровая информация»), которыми искажается изначальная сущность информации. Тем не менее, невзирая на то, что существует огромное количество определений, онтологическая основа информации остается неизменной, которая воплощает в себя разнообразные теории информации и требует разностороннего проведения исследования.

Из сказанного выше вытекает другая ключевая проблема, заключающаяся в том, что с повсеместным внедрением применения технических вычислительных средств обработки и распространения данных, представленных в электронном виде, обнажились трудности в разграничении материального носителя и зафиксированных на нем физических знаков (символов), содержащих информацию. Иначе говоря, в юридической науке некоторыми учеными отождествляется носитель сведений как хранилище символов, выражающих информацию, с самой информацией. Стоит отметить, что собственно информация возникает изначально в сознании субъектов

права, объективируясь затем на материальном носителе посредством определенной последовательности физических символов в качестве сведений. Это означает, что большинство правоведов, практикующих юристов и законодателей не различают и, соответственно, не разграничивают между собой собственно информацию как образ правовой действительности, конституируемый в сознании человека юридического, и сведениями, выступающими проекцией информации и представленными набором физических символов, доступных для восприятия и осознания их смысла.

Обосновывая правовую природу и структуру информации, автор статьи прибегал к теоретическим выводам, уже имевшимся в монографиях, диссертациях, книгах и статьях по юридическим наукам, и опирался на нормативные правовые источники, связанные с пониманием информации. В результате изучения юридической литературы выяснились следующие научные установки в экспликации термина «информация» в условиях применения цифровых технологий:

1) отмечается стремление ученых-юристов ввести в научный оборот цифровую информацию (С.П. Кушниренко, А.И. Зазулин, И.Р. Бегишев, И.И. Бикеев и др.);

2) В.Я. Колдин, К.В. Обидин, С.И. Кувычков, С.В. Зуев, Д.В. Овсянников, Ю.Н. Соколов и др. исследуют понятие электронной информации;

3) В.Б. Вехов, В.А. Мещеряков, Н.В. Зигура, И.И. Карташов, О.А. Лесников, А.Б. Смушкин и др. изучают электронно-цифровую информацию;

4) А.М. Баранов полагает, что информация существует только в сознании человека, которую он непосредственно способен воспринимать и понимать;

5) М.А. Рожкова, А.И. Савельев, А.В. Суслопаров и др. разграничивают между собой категории «данные» и «информация».

Общей целью статьи является исследование правовой сущности информации, заключающейся в описании ее нематериальной природы, и выявление структуры ее эквивалента, запечатленного на носителях технических средств.

Для реализации указанной выше цели были поставлены следующие задачи:

– провести обзор научных публикаций и законодательства, в которых затрагиваются понимание информации и ее виды;

– обосновать необходимость понимания информации как аналога сведений, представленного символами, зафиксированными на материальном носителе, которые человек, как субъект права, способен воспринимать и осознать;

– проанализировать соотношения понятий «сведения», «данные» и «сообщение» в контексте выявления их различий;

– описать природу правовой информации и выявить структуру ее аналога.

Для реализации указанных целей и решения поставленных задач применялся комплексный подход, состоящий из трехуровневого методологического инструментария: общеправового (всеобщего), общенаучного и частно-научного (специального).

Понятие информации и проблемы закрепления ее содержания в правовых актах

Ключевыми научно-правовыми проблемами законодательства в широком смысле слова, раскрывающими содержание правовой информации, выступают такие вызывающие затруднения вопросы, как: 1) определение информации и ее видов (форм); 2) несоответствие друг другу смыслового значения информации терминам

«данные» и «сообщение»; 3) соотношение между собой понятий «информационные технологии» и «цифровые технологии». В русле указанных проблем проведем анализ действующих российских нормативных правовых актов.

Основой дискуссионной площадки выступает определение информации, изложенное в п. 1 статьи 2 Закона № 149-ФЗ, как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Закон № 149-ФЗ устанавливает определение информации через термины «сведения», «данные» и «сообщение», которые в правовых актах тоже не имеют смысловых обозначений. Однако, как было отмечено выше, эти термины считаются сходными по содержанию категориями. В этой ситуации восполнить терминологическую неопределенность пытаются представители юридической науки, что вызвало неоднозначное толкование упомянутых выше понятий в юридических публикациях. Профессор М.А. Рожкова утверждает, что термины «сведения», «данные» и «сообщение» не являются равнозначными по смыслу и имеют содержательные отличия: «сведения и данные являются видами информации в отличие от сообщения, которое отражает техническую сторону обработки информации и выражает форму передачи определенных объемов информации» (Rozhkova, 2020).

Между тем анализ статьи 2 Закона № 149-ФЗ позволил выявить следующие виды информации: электронное сообщение, документированная информация и электронный документ, при этом сведения и данные среди этого перечня отсутствуют. Особо следует обратить внимание в этой статье на дефиницию «электронный документ», в тексте которой фигурирует когнитивное качество человека – это восприятие документированной информации. Дело в том, что в юридической литературе такой основополагающий критерий информации, как восприятие ее человеком, часто пренебрегается, что явилось причиной возникновения цифровой информации.

Другая проблема, имеющая место в научных публикациях, состоит в том, что происходит замещение электронного документа термином «цифровая информация» в целях легализации последнего, а также отождествление термина «электронные носители информации» с электронным документом. Однако какие-либо упоминания о цифровой информации в Законе № 149-ФЗ или УПК РФ отсутствуют.

Суть другого вида информации – компьютерной – поясняется в примечании 1 к статье 272 главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, в котором акцент делается на сведения, представленные в форме электрических сигналов. Между тем до сих пор продолжается научная полемика о замене компьютерной информации либо на электронную информацию, либо на цифровую информацию или на компьютерные данные. Однако хочется отметить, что электрические сигналы описывают изменения напряжения, которое может быть непрерывным или прерывистым (дискретным). В этой связи электрические сигналы могут быть аналоговыми (периодическими) и цифровыми (импульсными). Из сказанного вытекает, что компьютерная информация в примечании 1 к статье 272 УК РФ представлена в двух формах электрических сигналов – аналоговой и цифровой. Поэтому корректнее говорить не о цифровой и электронной информации, а о дискретных и аналоговых типах сигналов, посредством которых передаются компьютерные данные.

Ученые А.Ф. Мицкевич и А.В. Суслопаров разграничивают между собой данные и информацию, где последняя распознается через способность быть осмысленной (Mickeyevich & Susloparov, 2010:207). Различение между собой компьютерных данных и информации сохраняется в статье 1 (b) Европейской конвенции

о киберпреступности¹, в которой говорится, что «информация должна быть представлена в форме, подходящей для обработки в компьютерной системе», в результате которой она перестает быть доступной для восприятия. Тем не менее, в правовых актах и юридической литературе прослеживается смысловая равнозначность употребления терминов «данные» и «информация»².

Как ранее говорилось, Закон № 149-ФЗ не делает различий между категориями «информация» и «данные» и рассматривает их однородными по содержанию терминами. Поэтому в статье 3 Федерального закона «О персональных данных» персональные данные – это информация. Тем не менее, тотальное применение цифровых технологий сделало очевидной проблему различения данных и информации. Важно отметить, что данные – это сведения, полученные в результате обработки техническими устройствами, содержание которых субъект права не имеет возможности непосредственно воспринять и понять ввиду их существования в закодированном виде. В этом контексте особо заслуживает внимания точка зрения А.И. Савельева, который очерчивает границу между данными и информацией, утверждая, что если данные генерируются техническими устройствами, то информация является результатом интерпретации данных (Saveliev, 2020:68).

Понятие информации, изложенное в Законе № 149-ФЗ в широком смысле слова, и повсеместное применение информационных технологий, требующее незамедлительной правовой регламентации, с одной стороны, подтолкнули правоведов популяризировать в юридической литературе терминологию, в которую включалось цифровое обозначение. С другой стороны, в последние два десятилетия прослеживается осторожность законодателя в навешивании цифрового ярлыка на юридический категориально-понятийный аппарат и его желание достичь здесь смысловой определенности. Так, из наименования и содержания Федерального закона от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» было изъято слово «цифровой» по причине того, что обозначения «цифровой» и «электронной» являются идентичными по смыслу понятиями.

В 2019 г. в ГК РФ появилась статья 141.1 «Цифровые права», анализ которой не дает возможность определить юридическую природу цифровых прав. Однако, исследуя официальный отзыв Правительства РФ на законопроект № 424632-7 от 11.04.2018 № 2.3.3-11/484, цифровыми правами признается цифровой код или обозначение как совокупность электронных данных. Следовательно, являясь по природе электронными данными, цифровые права выражают себя как имущественные права в электронной форме. Из сказанного вытекает, что цифровые права и электронные данные используются как равнозначные по смыслу понятия.

Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте от 31.07.2020 № 259-ФЗ разъясняет значение цифровой валюты (ч. 3 ст. 1), которое имеет сходство

¹ См.: Convention on Cybercrime (ETS No. 185) (Budapest, 23/11/2001) // Режим доступа: <https://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=185> (дата обращения: 17.06.2024).

² Перевод названия конвенции с английского языка «Convention on Cybercrime» на русский выполнен по заказу Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации». Во всех правовых базах России содержится указанный перевод названия Конвенции, в котором, на наш взгляд, произошло смысловое смешение понятий «информация» и «данные» в связи с тем, что в статье 2 ФЗ № 149 дается весьма размытое определение информации. Подобная смысловая запутанность позволила назвать главу 28 УК РФ как «Преступления в сфере компьютерной информации», а не как «Преступления в сфере компьютерных данных».

с характеристиками цифровых прав, состоящее в том, что смысл цифровой валюты определяется электронными данными. В этой связи понятие цифровой экономики, сформулированное в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203, описывается посредством данных в цифровом виде (п. 4), что, на наш взгляд, требует смысловой согласованности с Законом № 259-ФЗ как совокупности электронных данных, потому что неэлектронных данных в цифровом виде не существует. Поэтому корректнее говорить об электронных данных, закодированных цифровым способом, то есть в бинарной форме.

Следовательно, в российском законодательстве следует отметить две тенденции, которые демонстрируют, с одной стороны, осторожность законодателя закрепления цифровым обозначением любого юридического термина; с другой стороны, проведенное исследование привело нас к выводу, что термины «цифровой» и «электронный» используются в правовых актах в качестве равноценных по смыслу.

И последний вопрос, который нуждается в исследовании, это установление содержания понятий «цифровые технологии» и «информационные технологии». Статья 2 Закона № 149-ФЗ раскрывает определение информационных технологий как методы и способы осуществления поиска информации, ее сбора и хранения, обработки и распространения. При этом в дефиниции информационных технологий обходится стороной методы и способы записи аналоговых и дискретных сигналов. Интересным в научном плане является описание цифровых технологий в Большой российской энциклопедии. В БРЭ дается трактовка цифровых технологий, дублирующая, по сути, законодательную формулировку информационных технологий как разнообразных процессов и методов, но смысловой акцент здесь делается на: 1) обращении данных именно в электронном виде; и 2) использовании компьютера и компьютерных сетей³. Из сравнения определений видно, что цифровые технологии – это этап развития информационных технологий.

На этом фоне заслуживает особого внимания другое определение цифровых технологий, изложенное в п.3.17 Постановления Госстандарта России № 255-ст, целью которых является запись кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой с помощью технологий, использующих электронно-вычислительную аппаратуру. Изучение формулировки цифровых технологий в Постановлении Госстандарта России привело к заключению, что разграничением цифровых технологий от информационных выступает структура передаваемого сигнала – непрерывный поток колебаний (аналоговый сигнал) или дискретные колебания (цифровой сигнал), которые используются для передачи данных. Кодовые импульсы представляют собой электрические импульсные сигналы, имеющие определенную систему кодирования, не являющиеся периодическими сигналами и меняющие свое значение в зависимости от ситуации.

Запись кодовых импульсов в определенной последовательности означает факт дискретизации непрерывного (аналогового) сигнала в виде принятия двух и более фиксированных значений в качестве квантовых величин, между которыми существует битовый интервал. Обобщенно говоря, цифровые технологии – это такие способы осуществления различных процессов, в основе которых содержится дискретный сигнал, характеризуемый цифровыми значениями – 0 или 1. Поэтому в

³ Егорова М.А. Цифровые технологии (в праве) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/tsifrovye-tekhnologii-v-prave-a80897/?v=7820004> (дата доступа: 17.06.2024).

названии темы и в тексте статьи под цифровыми технологиями понимаются такие информационно-технологические устройства, с помощью которых создается прерывистый сигнал путем дискретизации аналогового сигнала, когда из последнего нарезаются небольшие кусочки информации определенного размера (байты) через равные интервалы, в результате чего прерывистый (дискретный) сигнал принимает какие-то фиксированные значения, представленные в качестве квантовых величин.

Таким образом, цифровая технология выступает видом информационной технологии, сопряженной с процессом измерения объема данных при записи кодовых импульсов, в результате которой аналоговый сигнал преобразуется в дискретный (цифровой), а информация становится данными. Собственно говоря, непрерывный поток колебаний, несущий правовую информацию от передатчика к приемнику, в момент записи заключающийся измерением объема сведений посредством их дискретизации и квантования, преобразуется в прерывистую волну, имеющую фиксированные значения в двоичном формате. Важно отметить, что в Постановлении Госстандарта России № 255-ст говорится, что целью цифровых технологий служит запись кодовых импульсов. Это предполагает, что при использовании цифровых технологий сигнал передается только в кодированном виде, и дискретное устройство, которое принимает такой импульс, должно иметь код для его расшифровки, называемый, соответственно, цифровым. Более того, запись прерывистых импульсов может существовать как в зашифрованном виде, когда используются криптографические (шифровальные) средства, так и в кодированном. Иначе говоря, сообщение кодируется в импульсах – прерывистых сигналах, передаваемых по каналу связи. Следовательно, одним из признаков цифровых технологий выступает наличие кодированного сигнала или цифрового кода, который получил название в научной литературе цифровой сигнал.

Понятие информации в юридической науке

Предварительный обзор юридической литературы на предмет изучения научных концепций, используемых в интерпретации информации, привел к заключению, что преобладающее число ученых-юристов используют в своих трудах естественно-научную или техническую парадигмы информации, представленные атрибутивным или функциональным подходами. Становится очевидным, что экспликация информации в юридической науке с помощью методов естественно-научных или технических видов наук приводит к подмене одного вида информации – семантического (смыслового), как доступного для восприятия и осмысления сведений участникам правовой коммуникации, другим видом – техническим, который не доступен для осознания. В этой связи использование в социально-гуманитарных науках, в том числе и в юриспруденции, понятия информации, изложенное в естественно-научных или технических (точных) видах наук, является некорректной позицией правоведов.

В юридической науке речь идет именно о семантическом (смысловом) понимании информации, где сущность информации основывается на когнитивных началах ее восприятия (понимания). При этом источником конституирования правовых норм выступает сознание человека юридического, посредством которого интерпретируются правовые тексты, представляющие собой правовые сведения. В этой связи справедливо утверждение профессора А.В. Полякова, что «правовые нормы возникают как интересубъективные феномены, существующие в правовом сознании

общества, как результат интерпретационной редукции правовых текстов» (Polyakov, 2016:284). Между тем информация как мысли (образ), возникающие в сознании человека, переносятся на материальный носитель в виде знакового кода, который используется членами общества конвенционально в целях правовой коммуникации. Обобщенно говоря, взгляд, которого мы будем придерживаться в этой статье, состоит в том, что правовой текст как набор последовательных физических символов, зафиксированный на материальном носителе, выступает проекцией информации как образа правовой действительности, формируемого сознанием.

В юридической литературе в рамках атрибутивно-функционального подхода большинство понятий информации определяется через описание свойств и качеств информации без какой-либо привязки их к носителям информации по причине тождественности носителя и информации. Поэтому юристы, опираясь в своих научных трудах на основы информатики, не просто смешивают само понятие информации со свойствами материального носителя, а отождествляют их (Kuznetsov (ed.), (2016). Описывая свойства информации как выражение ее внешних характеристик (синтаксический аспект), речь идет, по сути, о свойствах физического носителя, а не о смысловом содержании информации (семантический аспект) (Makarova & Volkov, 2011). Отождествление правовой сущности информации со свойствами материального носителя создало условия для уравнивания смыслового содержания термина «информация», закрепленного в статье 2 Закона № 149-ФЗ, с данными и сообщением, что, в свою очередь, послужило причиной возникновения цифровой информации. Терминологическое смешение информации со свойствами носителя происходит потому, что ее понятие рассматривается сквозь призму атрибутивной и функциональной концепций.

В юридической науке существуют различные научные взгляды на понятие и виды информации в русле применения цифровых технологий – от отождествления всех видов информации в качестве цифровых до отрицания использования определений «цифровая» и «электронно-цифровая» информация в юриспруденции. Как отмечает А.В. Гортинский, «природным свойством вообще любой информации, фиксированной на каком-либо физическом носителе, является то, что она закодирована» (Gortinsky, 2006:110), но при условии, что информация воспринимается и понимается человеком. В противном случае она перестает быть информацией для субъекта права; точнее будет сказать, что природным свойством выступает не закодированность информации, а кодировка материального носителя информации. В этом контексте высказывание И.В. Семеновой, что вся информация является цифровой (Semenova, 2022), не отражает правовой сущности информации, которая объединяет не только ее содержание, доступное для восприятия и понимания субъектом права, но и одновременно свой носитель. По этой причине слово «цифровой» относится не к самой информации, а к ее носителю – дискретному сигналу. Обобщенно говоря, правовая природа информации выражается не во внешней форме, не в способе восприятия и существования информации, закрепленной посредством цифровых технологий, а в способности и возможности ее восприятия и понимания субъектом права либо непосредственно, либо с помощью технических средств.

А.Б. Смушкин вводит в научный оборот электронную цифровую информацию и определяет ее как «информацию, записанную электронным способом путем дискретизации аналоговой информации в виде дуальной последовательности цифр как цифрового способа кодирования информации» (Smushkin, 2022). На наш взгляд,

это определение посвящено не реальной информации, а потенциальной, которая называется данными, выражающими внешнюю структуру физического носителя. Как верно замечает ученый Ю.Н. Соколов, что «использование определений «цифровая» и «электронно-цифровая» информация в юриспруденции является ошибочным и не научным», и предлагает понятие электронной информации «с целью единообразного толкования существующих норм права» (Sokolov, 2021). Однако, на наш взгляд, использование Ю.Н. Соколовым в научном обороте электронной информации также отражает понятийную неточность этого термина. Дело в том, что информация представляет собой нематериальную субстанцию и по этой причине она не может обладать характеристиками материи. В этой связи корректнее говорить не об электронной информации, а об электронном носителе информации, что подтверждается указанием статьи 2 Закона № 149-ФЗ на информацию в электронной форме. На этом акцентирует внимание Б.Е. Стариченко, что «правильнее говорить о формах представления информации в сообщении или о видах сообщений» (Starichenko, 2016:22-25). Употребление терминов электронная информация и информация в электронной форме в качестве синонимичных связано с тем, что в некоторых юридических публикациях происходит ошибочное отождествление понятий электронного сообщения с электронной информацией, что приводит к неправомерному переплетению терминов носителя информации – сообщения как определенной последовательности сигналов – с содержанием самого сообщения.

С.П. Кушниренко подменяет смысловое содержание информации физическими свойствами кодового носителя, «выраженными последовательностью, доступной для ввода, обработки, хранения и передачи с помощью технических устройств» (Kushnirenko, 2006). На этом фоне заслуживает одобрения определение компьютерной информации, данное Н.В. Зигурой, разграничивающее между собой «материальный носитель и сведения, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи сообщения» (Zigura, 2010). Тем не менее, как было отмечено выше, в этой дефиниции компьютерную информацию корректнее называть компьютерными данными по причине того, что информация – это всегда доступные для понимания человеком сведения, а данные – это кодированные сведения, представленные системой знаков и создаваемые техническими средствами.

Развернутый взгляд на соотношение информации и носителя представлен ученым А.И. Зазулиным. По его мнению, природа информации такова, что ее невозможно хранить или передавать. Однако никак неосозаемая на ощупь информация или ментальный образ отражается в качестве смоделированного с помощью физических символов слепка на материальном носителе, называемом сообщением (Zazulin, 2016:78). В контексте этих рассуждений А.М. Баранов раскрывает еще одно качество информации – это способность человека понимать содержание сигнала, а не момент механического получения сигнала (Baranov, 2019). Несомненно, что когда говорится о качествах информации, то имеются в виду свойства носителя ее эквивалента – сообщения (Zazulin, 2019) или сигнала (Baranov, 2019), потому что у нематериальной информации не может быть физических свойств. Кроме того, когда речь идет о понимании субъектами права информации, то под этим подразумевается восприятие и осмысление смысла ее аналога – сведений. Тем не менее очевидно, что ученые отождествляют материальный носитель информации с физическими символами, закрепленными на нем – сведениями. Обобщенно говоря, следует констатировать,

что неправомерно ставится смысловой знак равенства между информацией и носителем информации, между информацией и сведениями или сообщением.

Стало быть, информация представляет собой ментальный образ, активированный в сознании намерением субъекта права, и получающий свое воплощение через физические знаковые обозначения (символы), закрепленные на материальном носителе, и называемые сведениями. При этом необходимо иметь в виду, что базовым качеством сведений является доступность для восприятия и понимания их смысла другими субъектами правовой коммуникации, а также то, что такие сведения выступают проекцией образа правовой действительности, конституируемого в правосознании. Когда закрепленные на материальном носителе правовые сведения обрабатываются с помощью цифровых технологий, то они подлежат кодированию, что исключает их восприятие и понимание смысла субъектами права. Такие сведения называются данными. Когда передача данных осуществляется с помощью цифровых технологий на основании сигнала, то такие данные именуются сообщением.

Ранее уже было отмечено, что информация как ментальный образ не может раскрыть себя без наличия материального носителя и запечатленных на нем физических символов – сведений, которые субъект способен воспринимать и понимать их смысл. Закодированная на материальном носителе с помощью цифровых технологий последовательность знаков становится просто данными. В этой связи следует различать структуру информации (сведений) и структуру закодированных сведений (данных). Если структура информации представляет собой единство материального носителя с закрепленным на нем доступным для понимания субъектом права смысла сведений, то структура данных состоит из закодированных сведений, физических носителей и средств вычислительной техники.

Заключение

1. Правовая информация является ментальным образом, активируемым в памяти намерением субъекта права, и представленным физическими символами на материальных носителях в форме юридических понятий, терминов. Поэтому юридические понятия и термины как набор физических символов, закрепленных на материальных носителях, выступают проекцией ментальных знаков, формируемых в правосознании человека. Закрепление ментальных символов на носителях посредством знаковых обозначений, доступных для восприятия и понимания их смысла субъектами права, называются сведениями. Сведения, которые перестали быть доступными для восприятия и осмысления в результате их кодирования, называют данными. Когда передаются данные от отправителя к получателю (приемнику) с помощью цифровых технологий (технических средств), то носителем данных выступает сообщение как кодированный эквивалент правовых сведений. Необходимо подчеркнуть, что источником информации может быть только сознание *homo juridicus*, а средства вычислительной техники могут быть только источником цифровых данных. Однако когда обработанные данные средствами компьютерной системы интерпретируются интеллектом человека, то конституируется в сознании человека новая информация, которая находит свое материальное воплощение в виде новых сведений.

2. Обработка, хранение, передача, а также кодирование и декодирование сведений представляется возможным лишь при наличии вычислительных устройств и

средств связи. Именно благодаря средствам вычислительной техники осуществляется автоматизированная обработка, хранение закодированных сведений и передача данных по каналам связи с помощью сигналов. Стоит отметить, что сигналы, будучи физическими носителями сообщений, предназначены для передачи закодированных цифровым способом данных по телекоммуникационным каналам связи. С момента кодирования упорядоченной последовательности знаков на материальном носителе с помощью вычислительных устройств сведения теряют возможность восприниматься и пониматься участниками правовой коммуникации, то есть они теряют статус информации. В этой связи необходимо делать различие структуры информации и данных. Если структура информации включает в себя материальный носитель и зафиксированные на нем сведения как определенной совокупности символов, доступных для восприятия субъектом права, то структура данных при использовании цифровых технологий представляет собой единство трех элементов: 1) закодированных сведений; 2) средств вычислительной техники; 3) физических носителей.

3. Важно различать между собой природу собственно информации и природу знака (символа), выступающего проекцией информации. Собственно информация конституируется правосознанием человека как ментальный акт или образ, который находит свое воплощение посредством набора физических знаковых обозначений на материальном носителе. Необходимо иметь в виду, что физический символ выступает смысловым эквивалентом ментального символа, формируемого намерением субъекта права. В этой связи физические знаки, обозначающие юридические термины и понятия, воспринимаемые и понимаемые или непосредственно *homo juridicus*, или с помощью средств вычислительной техники, являются правовыми сведениями.

References / Список литературы

- Baranov, A.M. (2019) Electronic evidence: the illusion of the criminal process of the XXI century. *Criminal justice*. (13), 64–69. <https://doi.org/10.17223/23088451/13/12>. EDN PJCJXL. (in Russian).
Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69. https://doi.org/10.17223/23088451/13/12. EDN PJCJXL.
- Gortinsky, A.V. (2006) On the nature of traces in the information environment of computer devices. *Problems of modern research in criminalistics and forensic examination: the conference*, Moscow, Lomonosov Moscow State University. (in Russian).
Гортинский А.В. О природе следов в информационной среде компьютерных устройств // Проблемы современных исследований в криминалистике и судебной экспертизе : конф., 4–5 дек. 2006 г., Москва, МГУ им. Ломоносова : сб. тез. М. : Макс Пресс, 2006. С. 110–125.
- Kushnirenko, S.P. (2006) Digital information as an independent object of forensic research. *Bulletin of Criminology*. 2(18), 43–47. EDN XOFMHZ. (in Russian).
Кушниренко С.П. Цифровая информация, как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. 2006. № 2(18). С. 43–47. EDN XOFMHZ.
- Kuznetsov, P.U. (ed.). (2016) *Information technologies in legal activity: textbook for academic bachelor's degree*. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для академического бакалавриата / под общей ред. П.У. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 436 с.

- Makarova, N.V. & Volkov, V.B. (2011) *Informatics: Textbook for universities*. Saint Petersburg, Peter Publ. (in Russian).
Макарова Н.В., Волков В.Б. Информатика : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2011. 576 с.
- Mickevich, A.F. & Susloparov, A.V. (2010) The concept of computer information in Russian and foreign criminal law. *Gaps in Russian legislation*. (2), 206–209. (in Russian).
Мицкевич А.Ф., Суслопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 206–209.
- Polyakov, A.V. (2016) *General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: textbook*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М. : Проспект, 2016. 832 с.
- Rozhkova, M.A. (2020) On the legal aspects of using technologies: MadTech (problems of the legal regime of data). *Economy and law*. 8(523), 41–52. (in Russian).
Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий: MadTech (проблемы правового режима данных) // Хозяйство и право. 2020. № 8(523). С. 41–52.
- Saveliev, A.I. (2020) Civil law aspects of data turnover regulation in the context of attempts to form a digital economy. *Civil Law Review*. 20(1), 60–92. С. 60–92. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-60-92>. EDN UJDZHN. (in Russian).
Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 60–92. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-60-92>. EDN UJDZHN.
- Semenova, I.V. (2022) Digital information as a subject of encroachment of crimes in the field of computer information. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 8(4), 158–165. EDN HNBAXH. (in Russian).
Семенова И.В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 158–165. EDN HNBAXH.
- Smushkin, A.B. (2022) Electronic digital information as the central object of electronic digital criminalistics. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 21(1), 142–154. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2022.99.19.013>. EDN TRCXEG. (in Russian).
Смушкин А.Б. Электронная цифровая информация как центральный объект электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1(21). С. 142–154. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2022.99.19.013>. EDN TRCXEG.
- Sokolov, Yu.N. (2021) Electronic and «digital» information: the basics of legal interpretation. *Eurasian Law Journal*. 7(158), 364–366. (in Russian).
Соколов Ю.Н. Электронная и «цифровая» информация: азы юридического толкования // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7(158). С. 364–366.
- Starichenko, B.E. (2016) *Theoretical foundations of computer science*. Textbook for universities. Moscow, Hotline–Telecom Publ. (in Russian).
Стариченко Б.Е. Теоретические основы информатики: учебник для вузов. 3-е изд. перераб. и доп. М. : Горячая линия-Телеком, 2016. 400 с.
- Zazulin, A.I. (2016) On the evidentiary value of digital information in criminal proceedings. *The world of legal science*. (11), 77–82 (in Russian).
Зазулин А.И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 77–82.
- Zazulin, A.I. (2019) *The use of digital information in proving criminal cases*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2019. 168 с.

Zigura, N.V. (2010) *Computer information as a type of evidence in the criminal process of Russia*. Abstract of Diss. of candidate of Legal Sciences. Chelyabinsk, South Ural State University (in Russian).

Зигура Н.В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Юж.-Ур. гос. ун-т. 2010. 20 с.

Сведения об авторе:

Иванский Валерий Прокопьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1785-8965, SPIN-код: 1665-7008

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

About the author:

Valeriy P. Ivanskiy – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1785-8965, SPIN-code: 1665-7008

e-mail: ivansky_valera@mail.ru